

Вет. клуб. - 1995. - 18 марта. - с. 3.

Григорович загубил два поколения балетных артистов

— Судьбу Юрия Григоровича решила огорчительная, бесславная неудача: бессмысленная постановка "Дон Кихота". Испортить балет "Дон Кихот" невозможно при всем желании. Надо обладать особой магией изжитости всего, чтобы погубить этот витальный праздник, обратив его буквально во всеобщее сновидение, потому что на спектакле все спали.

Что мы увидели после двухлетних обещаний показать наконец новую работу? Вся "новая" редакция Григоровича уместилась в музыкальном пространстве увертюры, когда появились некие персонажи в стиле Гойи в балахонах. А затем спектакль съехал на привычные рельсы, остались все вставные номера, не имеющие отношения ни к Минкусу, ни к Горскому, ни тем более к Петипа, потому что мы вообще плохо знаем, как этот спектакль выглядел во времена Петипа.

Короче, это было возобновление старого спектакля, но без какого бы то ни было оживляющего эффекта. Ведь сам факт, что это все-таки премьера, новая работа, уже должен что-то давать. Поразительно: здесь не было даже эффекта долгожданной встречи!

Бывают всякие неудачи, в том числе и несостоятельные редакции. Но эта редакция создавалась в момент, когда все было поставлено на карту: репутация Григоровича как действующего художника, его фактическое положение в театре, его возможности, перспективы, его право занимать в Большом должность главного балетмейстера наконец. Не понимать это невозможно. Но если Григорович и этого не понял, дело с ним обстоит хуже, чем мы думаем.

После этого все вопросы — есть ли альтернативы Григоровичу, нет ли — отпадают сами собой. По отношению к пустоте — пусть Бог меня простит — не может возникнуть вопроса, есть ей альтернатива или нет. Пустоте все является альтернативой.

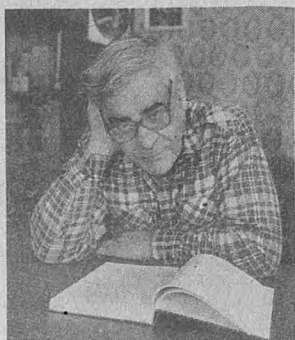
Так было, конечно, не всегда. Когда-то Григорович был переполнен художественными идеями. И трагедия его заключалась в том, что ему не очень-то давали возможность работать — и чиновники, и объективные обстоятельства. Большой театр — это вообще изначально громоздкая, малоповоротливая машина, не способная выпускать много спектаклей. Здесь заведомо медленный темп работы. И Григорович увязал в этом ритме. Но лет через 15 он стал отставать даже и от этого замедленного темпа! Паузы между оригинальными постановками становились все больше. Последняя была лет 13 назад — "Золотой век". Затем увеличились паузы между восстановлением спектаклей. И "Дон Кихот" — это уже просто финал...

В чем правомерно обвинять Григоровича?

Он уничтожил два поколения балетных артистов.

Одно добил на взлете — это Плисецкая, Васильев, Максимова, Лавровский, Лиепа.

Маяя Плисецкая обожала его. Она вообще с огромным уважением относится к режисерам — как к богам. Представьте себе, она, сверхбалерина, в душе искренне считает, что любой балетмейстер выше и важнее ее! С таким же пиететом она относилась и к Григоровичу. Когда в 1964 году Григорович пришел в театр, он был надеждой Большого, причем сбывающейся надеждой. Потом — неожиданно быстро — началось его творческое истощение. И не

только творческое. Он перестал беречь себя, уже когда делал "Спартак". К худшему изменился его образ жизни, и, что самое ужасное, он перестал серьезно интересоваться театром. Тогдашний директор театра Чулаки был мягок, а Фурцева к Григоровичу благоволила.

И он упивался властью. А такие яркие личности, как Плисецкая, Васильев, Лиепа, — они мешали ему властвовать, требовали от него большой творческой энергии. Но он уже не мог ее дать, и они стали раздражать его. Отсюда и возник конфликт. Это не конфликт художественной идеологии. То есть не конфликт между, например, новаторством и консерватизмом. Это был конфликт единомышленников после 15 лет благополучия.

У него был лозунг: "Мне не нужны таланты". Может, он сказанул это где-нибудь сгоряча, но кто-то из глупых холуев вынес этот "афоризм" на поверхность. Он делал ставку не на таланты! Он их боится.

Второе поколение, которое я имею в виду, последнее, — слишком уж мало дало нашему балету. Оно почти не сумело реализовать себя в Большом театре. Это тем более обидно, что среди них было много талантливых людей. И жизнь их складывается теперь далеко от Москвы, в лучших европейских и американских коллективах.

Вина Григоровича и в том, что в 1974 году он опустил над Большим театром железный занавес. На 20 лет! Он закрыл для нас мир. Даже в те времена уже ничего такого не было, а ему удалось. И не случайно гастроли труппы Бежара в Ленинграде прошли, а в Москве — нет. А когда Бежар по договоренности с Демичевым собирался ставить в Большом балет по Девятой симфонии Бетховена, он приехал в Москву, а его просто не пустили в театр. Там никого не было: и директор, и Григорович срочно легли в больницу.

Будет какой-либо резонанс в международном мире балета из-за смещения Григоровича?

Формально он чуть ли не председатель Земшара. Он, к примеру, главный редактор энциклопедии "Балет", к которой не прикоснулся. Он — профессор, но где он преподает? Я не знаю! Он — председатель чего-то международного хореографического, куда не входит никто из знаменитых хореографов.

Кроме того, если быть до конца честным, Юрий Григорович по всему миру давно известен как коммерсант, дискредитировавший себя и своим поведением, и своими малоинтересными постановками. При этом Григорович всегда точно знает, кого надо с собой взять, чтобы потом бойким пером были красочно описаны "триумфальные гастроли".

Это ужасно, но весь мир знает, что "Большого балета" уже нет.

Записала
Наталья ЗИМЯНИНА.